

УДК 94(569.4)"70/638"

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-69-86

Оригинальное исследование

Экономический симбиоз городов, монастырей и паломничества и его роль в экономическом процветании Палестины в IV–VII вв.

Сухова Ж.М.

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а
E-mail: zhanna-suhova@mail.ru, jmsuhova44@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию экономического симбиоза городов, монастырей и паломничества, а также влияния этих отношений на экономическое процветание Палестины в IV–VII вв. Города были соединены хорошо спланированной дорожной сетью, по которой паломники, купцы и торговцы для безопасности перемещались совместно. У монастырей было несколько источников доходов. Среди них собственный труд монахов (обработка земли, плетение корзин); пожертвования, дарения и завешания в пользу монастырей – вероятно, они были наибольшим источником дохода, на эти средства содержались монастыри, платили налоги, строились странноприимные дома, подспорьем могли стать доходы от сдачи земли в аренду. Труднее оценить размах средств, вырученных от продажи ампул, оказания услуг сопровождения монахом паломников по святым местам и от оплаты за место в странноприимном доме. Вероятно, даже небольшая плата при монастырях V–VI вв. была вполне уместной и приемлемой. В некоторых случаях церкви и монастыри или даже часть региона могли быть освобождены от уплаты налогов. Однако богатство и процветание монастырей, которые вносили значительный вклад в региональную экономику позднеантичной Палестины, имели значимые социальные функции в эпоху трансформаций и изменений: средства в том числе шли на заботу о больницах, о домах для стариков, сирот и бедняков; подобные дома появлялись при монастырях. Все это, наряду с другими факторами, играло существенную роль в экономическом развитии Палестины, позволяло городам и монастырям Палестины процветать в эпоху Поздней античности и превратиться в развитый центр христианского мира, в который люди шли в поисках внутреннего самоочищения и физического исцеления, в поисках духовных ориентиров в переломные жизненные моменты.

Ключевые слова: город, монастырь, монах, паломничество, монастырская экономика, паломник, экономика, экономический симбиоз, Палестина, Поздняя античность

Для цитирования: Сухова Ж.М. 2025. Экономический симбиоз городов, монастырей и паломничества и его роль в экономическом процветании Палестины в IV–VII вв. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 69–86. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-69-86

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Economic Symbiosis of Cities, Monasteries and Pilgrimage, and its Role in the Economic Prosperity of Palestine in the 4th – 7th Centuries

Zhanna M. Sukhova

Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University,
31a Minin St., Nizhny Novgorod 603155, Russia
E-mail: zhanna-suhova@mail.ru, jmsuhova44@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the economic symbiosis of cities, monasteries and pilgrimage, and its role in the economic prosperity of Palestine in the 4th – 7th centuries. The cities were connected by a well-planned road network, which allowed pilgrims and merchants to travel together for safety. Monasteries had several sources of income, including the work performed by monks, such as cultivating the land and weaving

baskets. Donations, wills, and testaments in favor of the monastery were also significant sources of income. These funds supported the monasteries themselves, allowing them to pay taxes, build guesthouses, and possibly even rent land. The extent of proceeds from the sale of ampullae, providing services for pilgrims (exorcisms), and charging for accommodation at guesthouses is more difficult to estimate. In the 5th–6th centuries, even a modest fee at monasteries was quite appropriate and acceptable. In some cases, entire churches, monasteries, or even regions could be exempt from taxation. However, the wealth and prosperity of the monasteries, which contributed significantly to the regional economy of Late Antique Palestine, also had significant social functions during a time of transformation and change. The funds, among other things, were used to support hospitals, homes for the elderly, orphanages, and the poor. Similar institutions were established at monasteries. All of this, along with other factors, contributed to the economic development of Palestine and allowed the cities and monasteries to prosper in Late Antiquity, becoming a developed center for Christianity where people sought inner purification and physical healing as well as spiritual guidance during critical moments in their lives.

Keywords: city, monastery, monk, pilgrimage, pilgrim, economy, economic symbiosis, monastic economy, Palestine, Late Antiquity

For citation: Sukhova Zh.M. 2025. The Economic Symbiosis of Cities, Monasteries and Pilgrimage, and its Role in the Economic Prosperity of Palestine in the 4th – 7th Centuries. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 69–86 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-69-86

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Современная научная потребность детального и углубленного изучения эпохи Поздней античности как одного из важнейших и спорных периодов всемирной истории регулярно порождает новые предметные области для проведения исследований и дискуссий. Процессы культурной, экономической и социальной трансформации городов, религиозное, этническое и языковое взаимодействие внутри них, а также культурные практики городского образа жизни и способы организации людей в городской среде исторически складывались и происходили неоднородно и сложнее в таких регионах, которые находятся на границе культурных миров. В этом отношении одним из перспективных направлений исследований должны стать города провинций Ближнего Востока, а для нашего исследования мы выбрали конкретно города Палестины – области, расположенной в самом сердце Ближнего Востока между Сирией, Египтом, Месопотамией, Аравией и Средиземноморьем, которая находится на линии разлома цивилизаций, столкновения империй и народов. Бесспорно, реалии городской жизни позднеантичной Палестины заложили основы и до сих пор во многом определяют вектор развития и специфику данного региона: эпоха и ее излет обозначили будущую глубину противоречий, которые накапливались в последующие эпохи и, вызревая веками, разрослись в нынешнем мире. Эти противоречия все так же связаны с потребностями в земле, воде, в контроле над торговыми путями и святынями, подогреваемые доктринальными несовпадениями мировых религий, а также осложняемые доктринальными несовпадениями внутри самих религий [Гасратян, 2019, с. 7–8].

Практически с начала эпохи Поздней античности, но главным образом со времени правления императора Константина (306–337 гг.), облик городов Палестины стал меняться: был запущен сам процесс формирования культа Святой земли, культа святынь и мучеников приобрели невиданные до этого времени масштабы, широкий размах приобрело церковное строительство, в городах и близ них стали появляться многочисленные монастыри, и, наконец, формируется традиция христианского паломничества [Stemberger, 2000, p. 115]. Вопрос взаимосвязи экономического процветания провинций римского Востока и совместной роли городов, монастырей и паломничества в этом начал изучаться относительно недавно (отметим, что вместе с этим формируется исследовательское поле об экономических отношениях сельской местности и монастырей в эпоху Поздней античности, однако в отрыве от паломничества и святых мест) [Goldfus, 2003, p. 71–79; Aviam, 2017, p. 117–133; Aviam,

Ashkenazi, 2018, p. 1–8; Blanke, Cromwell, 2023, p. 1–38]. Поэтому целью нашего исследования является изучение экономического симбиоза городов, монастырей и паломничества и влияния этих отношений на экономическое процветание Палестины в IV–VII вв.

Объекты и методы исследования

Настоящая работа основана на концепции Поздней античности, благодаря которой события, процессы и явления III–VII вв. изучаются в контексте времени изменений и трансформаций, а саму эпоху принято рассматривать как эпоху культурного разнообразия и экономического подъема, становления христианства [Ващева, 2009; Brown, 1971; Cameron et al., 2008]. Для достижения цели исследования нами были использованы письменные и археологические, вещественные источники. Несмотря на то, что археологического материала Святой земли хватит еще на несколько поколений ученых, на сегодняшний день возможно сделать некоторые уверенные выводы относительно изучаемой нами проблемы, а появление новых сведений и деталей в будущем поможет дополнить и скорректировать выводы, сделанные нами сегодня.

Результаты и их обсуждение

Крупнейшие монастырские кластеры в Палестине складывались либо в самих городах, либо вокруг таких крупных городов, как Газа, Скифополь, Кесария Палестинская, Елевферополь и Иерусалим, в последний кластер обычно включают еще и монастыри Иудейской пустыни [Hirschfeld, 2004, p. 87]. Благодаря археологическим исследованиям, проведенным в Иудейской пустыне, и составленному плану монастырей этого кластера известно, что ни один из монастырей не был удален от древних дорог более чем на 10 км [Heiska, 2003, p. 94–95]. Это расстояние было возможно преодолеть меньше чем за один день пути. Сами монастыри также были расположены близко друг к другу, расстояние до самого ближнего монастыря варьировалось от 1 до 5 километров [там же]. В контексте рассуждений о монастырях близ городов и на пути к городам нужно пояснить, что через Палестину проходило несколько значимых дорог как для самого региона, так и для экономики соседних провинций и всей империи (рис. 1, 2). Первая – *путь Патриархов*³³, пролегла с севера на юг и охватывала территорию от Мегиддо до Хеврона³⁴. Далее – *Via Maris* (морская дорога, «путь филистимлян»), которая соединяла Египет и Левант с Анатолией и Месопотамией³⁵ через торговые прибрежные города³⁶. Следующая – *Царская дорога* (*via Regia*, *via Traiana Nova*), шла из Египта через Синайский полуостров, выходила через пустыню Негев к Петре и через Иерусалим связывала города в восточной части региона, а далее через Герасу уходила на Дамаск³⁷. Наконец, *торговый путь благовоний* – еще более обширная система путей, которая связывала Средиземноморье с Индией в целом³⁸. Здесь были задействованы как морские, так и сухопутные пути, на которых стояли разные города Палестины. Эти пути являлись в том числе паломническими, так как вели к святыням, расположенным в городах и на пути к ним³⁹.

³³ Дорога, по которой часто перемещались Авраам, Исаак и Иаков.

³⁴ Пролегала через такие важные экономические центры, как Беэр-Шева, Неаполь (Наблус), Иерусалим, Вифлеем, и связывала центральную область региона между собой.

³⁵ То есть территорию плодородного полумесяца.

³⁶ Среди них – Рафия, Газа, Аскалон, Ашдод, Яффа, Антипатрис, Дор, Мегиддо, Тверия и другие. Через Мегиддо или Хацор можно было свернуть на дорогу пути Патриархов.

³⁷ Через эту дорогу набатеи везли предметы роскоши.

³⁸ Позволяла посредством транзитной торговли провозить благовония, пряности, ткани, драгоценности и предметы роскоши.

³⁹ Эти дороги были важны для иудеев, христиан, а с VII столетия и для мусульман (последние совершали хадж по Царской дороге). По мнению исследователя И. Ролла, настоящими причинами строительства разветвленной сети дорог в Палестине в первую очередь стали военные и административные мотивы для правильного управления провинцией и эффективной организации и транспортировки воинских частей, рост населения и

В этом контексте перечисленные ранее города, а вместе с ними и монастыри, стали важными опорными точками на пути транзитной торговли и паломничества. *Кесария Палестинская* представляла собой крупный портовый центр и являлась столицей сначала провинции Сирия-Палестина, а затем Палестины Прими; *Газа* была одним из самых экономически развитых и богатых городов не только Палестины, но и в целом в империи – к ней вели *Via maris* и торговый путь благовоний; *Елевферополь* – город, который находился на главной торговой дороге, ведущей от Иерусалима к морю, то есть к портовым городам (к Газе, Ашдоду, Аскалону и др.); *Скифополь* – столица провинции Палестина Секунда, город располагался на стыке долины Харод и долины Иордана: по долине Иордана на юг пролегла Царская дорога, соединявшая Дамаск и Аравию, а долина Харод соединяла долину Иордана с побережьем Средиземного моря, вдоль берега которого проходила *Via maris*. Наконец, *Иерусалим* – Святой город, находился в центре дороги пути Патриархов, на пути по царской дороге, а также, идя из Иерусалима через Мегиддо или Хацор, можно было свернуть на дорогу *Via maris*. То есть дорожная сеть связывала между собой практически все города, ведь всегда можно было свернуть на нужный путь. Например, во время своего паломничества практически все эти места посетила римская матрона Павла, жившая в 347–406 гг. н.э.: Иероним описал ее путь, и среди упомянутых городов встречаются Иерусалим, Елевферополь, Газа, Кесария Палестинская и другие, связанные с библейской историей [The Pilgrimage of The Holy Paula, 1887, p. V].

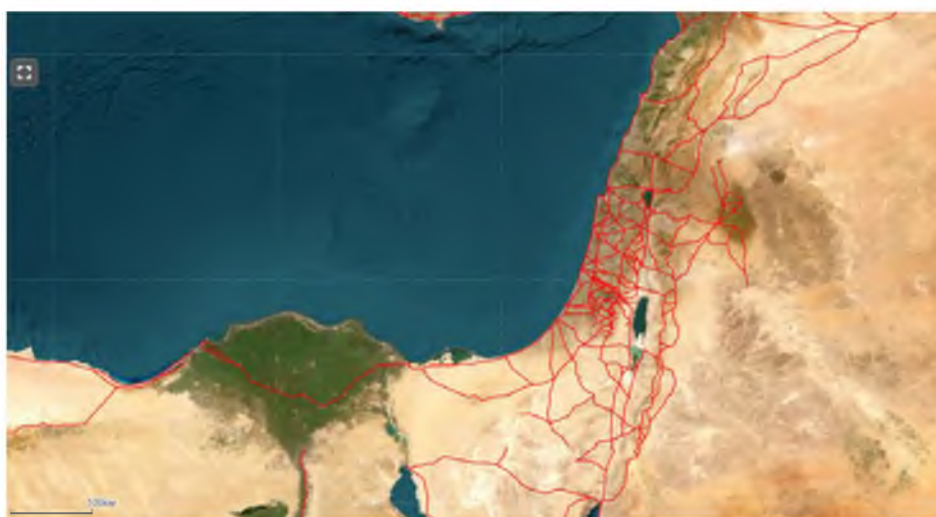

Рис. 1. Дорожная сеть Палестины VI–VII вв. Карта была составлена Mapping Past Societies (ссылка: <https://harvard-cga.maps.arcgis.com/apps/webappviewer/index.html?id=9e7b4e361f5940d5bd399ec6c2ca2197>)

Fig. 1. Road network of Palestine in 6th–7th centuries. This map was made by Mapping Past Societies (link: <https://harvard-cga.maps.arcgis.com/apps/webappviewer/index.html?id=9e7b4e361f5940d5bd399ec6c2ca2197>)

В этом ключе близкое расположение монастырей к дорогам и иногда практически на них самих было значимым фактором в отношении экономического развития городов и региона: известно, что торговцы и паломники преодолевали путь совместно, в первую очередь в целях безопасности, кроме того, в житиях святых неоднократно упоминаются случаи нападения разбойников и грабителей на монахов, в особенности когда те старались уединиться от мира, став отшельниками.

экономики стали же во многом результатом дорожной сети, но не причиной ее строительства, и играли второстепенные роли, с чем мы вполне согласны. По подсчетам исследователей, было построено римлянами около 1 500 км дорог. Для сравнения: береговая линия современного Израиля составляет около 230 км, ширина Израиля в самом широком месте составляет около 150 км. Попытки рассчитать плотность дорожной сети на площадь региона требуют доскональных археологических исследований (а значит, и времени), ведь при расчетах необходимо учитывать и километраж улиц городов.

Рис. 2. Главные дороги Палестины [Roll, 1999, p. 109]

Fig. 2. Main roads of Palestine [Roll, 1999, p. 109]

Посещая Святую землю с торговыми целями, можно было воспользоваться пребыванием здесь и по пути приобщиться к святым местам, не потеряв большого количества времени – промедление составило бы 1–2 дня максимум. Остановиться на ночлег⁴⁰ можно было в странноприимных домах, которые строились, как правило, близ монастырей и за что некоторые монастыри брали плату (об этом речь пойдет еще ниже). Это было удобно и для паломников. Некоторые из монастырей имели защитные стены от грабителей, кочевников, нападения сильного соседа – противника империи, могли иметь сторожевые башни. Среди таковых выделяется лавра Саввы Освященного в Кедронской долине (рис. 3, 4), ограничивающей Старый город Иерусалима с востока; Суккийская лавра в Иудейской пустыне, от которой осталась сторожевая башня (рис. 5); монастырь Георгия Хозевита в 5 километрах от Иерихона (рис. 6) и некоторые другие. Помимо монастырей на пути могли встретиться станции вдоль дорог, где паломники могли совершить небольшую остановку для отдыха. Одна такая станция находилась в районе Шфелы (Шефела, Иудейское предгорье) по дороге из Иерусалима к морю через Диосполис (он же Лод или Лидда) – это Хирбет эль-Лататин (Khirbet el Latatin или Horvat el-Lattatin, близ современного поселения Гиват Зеев), которая, вероятно, была основана в первой половине V века н. э. (рис. 7) [Selinger, 1998, p. 77]. Там можно было также дать отдых животным (лошадям или ослам). Изученная Й. Зелингером станция имела часовню, и исследователи предполагают, что раз станция находилась недалеко от монастыря, то службу там могли нести монахи. Другой вариант дорожной станции представляет Хирбет Харсис (в районе Шаар ха-Гай, он же Баб эль-Вад, в 23 км от Иерусалима на пути к Яффе). Там были обнаружены остатки бани, вероятно, услуги купания были одной из статей дохода для держателя таковой (рис. 8) [Landes-Nagar, 2020, p. 3–4].

⁴⁰ Даже если у торговцев и не было цели увидеть святыни (в англоязычной литературе это называется «случайное паломничество»).

Рис. 3. Фотография лавры Саввы Освященного, сделана в начале XX столетия. Лавра была основана ок. 484 г., и известно, что стены были построены еще в Позднюю античность, но, разумеется, они достраивались и ремонтировались, особенно в IX в. и при крестоносцах и сохранились до настоящего времени

Fig. 3. The photo of the Holy Lavra of Saint Sabbas the Consecrated was taken at the beginning of the 20th century. The Lavra was founded around 484. It is known that the walls were built in Late Antiquity, but of course they were rebuilt and repaired especially in the 9th century and under the Crusaders, and they have been preserved to the present day

8. Mar Saba. View from the east.

Legend

1. "Tower of Justinian"	10. Lavatory	20. Kitchen
2. Upper water cistern	11. Chapel of St. John Chrysostom	21. Storeroom
3. Deserted cells	12. Chapel of St. George	22. Bakery
4. Two apartments for visiting bishops	13. Dome of St. Mary Theotokos Church	23. Water cistern
5. Guest rooms for priests	14. Bell tower	24. Chapel of Anna and Joachim: Sabbas' <i>hezychasterion</i>
6. Hostel for visitors	15. Clock room	25. "Women's Tower" and Chapel of St. Symeon Stylites
7. Dwellings for monks (not occupied)	16. Reception hall	26. Lower gate
8. Dwellings for monks	17. Kitchen chimney	27. Sacred spring
9. "Palm tree of St. Sabbas"	18. Bakery chimney	
	19. Refectory (<i>trapeza/aristeterion</i>)	

Рис. 4. План лавры Саввы [Patrich, 1995, p. 60]

Fig. 4. Plan of the Lavra of Saint Sabbas [Patrich, 1995, p. 60]

Рис. 5. Остатки сторожевой башни Суккийской лавры византийской эпохи
Fig. 5. The remains of the watchtower of the Suca Lavra of the Byzantine era

Рис. 6. Монастырь Георгия Хозевита, основанный около 420 г. Фото сделано в 1890–1900-е гг. Некоторые монахи, желающие получить опыт отшельника, уединялись в пещерах близлежащих скал. Несмотря на кажущуюся защищенность монастыря ландшафтом – скалами, в 614 г. персы разрушили этот монастырь, восстановительные работы проводились уже в период крестовых походов и после ухода крестоносцев монастырь вновь был оставлен. Только в XIX веке его вновь начинают населять монахи, которые также стали проводить восстановительные работы

Fig. 6. The monastery of Saint George of Choziba was founded around 420. The photo was taken in the 1890s-1900s. Some monks, who wanted to gain the experience of hermits, could stay into caves of nearby rocks. Despite the apparent protection of the monastery by the landscape (rocks), in 614 the Persians destroyed this monastery. It was rebuilt and repaired under the Crusaders, though afterwards the monastery was abandoned again. It was not until the 19th century that monks inhabited it again and began rebuilding and restoration

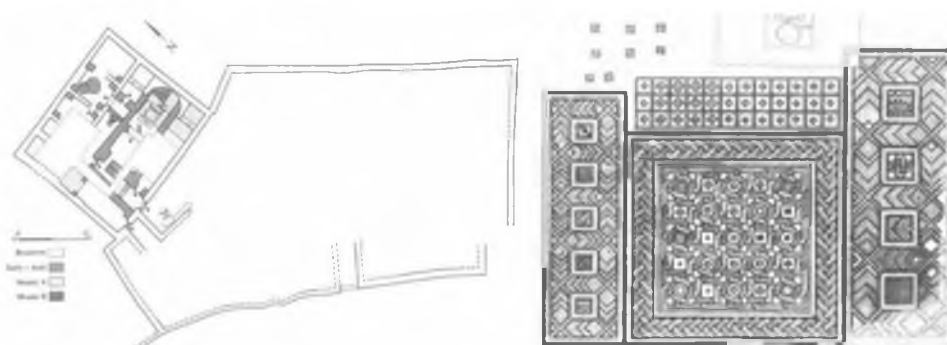

Рис. 7. Общий план участка Хирбет эль-Лататин и мозаичный пол, обнаруженный в восточной части, в конце нефа [Selinger, 1998, p. 78–80]

Fig. 7. General plan of site of Kh. el Latatin and mosaic floor at the eastern end of the nave [Selinger, 1998, p. 78–80]

Рис. 8. Баня и мозаичный крестообразный символ в раздевалке бани [Landes-Nagar, 2020, p. 10–11]

Fig. 8. The bathhouse and the cross decoration of the mosaic floor of the bathhouse of the dressing room [Landes-Nagar, 2020, p. 10–11]

Палестинское монашество синтезировало египетский, сирийский и каппадокийский монашеский опыт и сформировало на его основе собственную оригинальную традицию. Отличительными чертами этой традиции были соборный дух и интернациональность (в особенности это касается IV–V столетий), забота местного монашества о миссионерстве, а главной специфической чертой был культ святых мест и Святой Земли [Рышковская, 2014, с. 173] и, как следствие, гостеприимство (ξενία) по отношению к паломникам [Whiting, 2012, p. 73]. На пути паломников встречалось немало соблазнов: городская жизнь Поздней античности – шумная, ритмичная и разнообразная – могла увлечь неисклюшенного человека. В городах к услугам путешественников были частные гостиницы, в обслуге которых значились и проститутки, дурной славой пользовались и постоянные дворы попроще (такие как сауропа), обслуживающие моряков, возчиков и рабов [Юзефовский, 2015, с. 9–10]. С целью решения этой проблемы в эпоху Поздней античности было построено большое число странноприимных домов (ξενοδοχεῖον) при монастырях [там же, с. 11]. Наиболее полно сохранившийся образец монастырской гостиницы был обнаружен к востоку от Иерусалима, на территории современного города Маале Адумим, при монастыре св. Мартирия, который, в свою очередь, находился на возвышенности и недалеко от дороги из Иерусалима в Иерихон. Этот монастырь справедливо считается самым большим среди византийских монастырей Иудейской пустыни. Он возник в третьей четверти V столетия. Монастырь представляет собой

прямоугольный в плане комплекс, различные монастырские постройки – храм, трапезная, конюшни, жилые и складские помещения скомпонованы вокруг центрального двора, имелась баня, цистерны, канализация (рис. 9, 10, 11) [там же, с. 12]. Весь комплекс был окружен стеной. Планировка здания позволяла гостям отдыхать, ухаживать за животными, питаться и совершать богослужения, практически не заходя в сам монастырь (рис. 12). Схожая планировка, отделяющая гостей на постоялом дворе от самого монастыря, встречается повсеместно в византийских монастырях Ближнего Востока [там же, с. 13].

Fig. 1. Aerial photograph of Kh. el-Murassas, the monastery of Martyrius, view from the north.

Рис. 9. Аэрофотосъемка остатков построек монастыря св. Мартирия [Magen, 2015, p. 2]

Fig. 9. Aerial photograph of the monastery of Martyrius [Magen, 2015, p. 2]

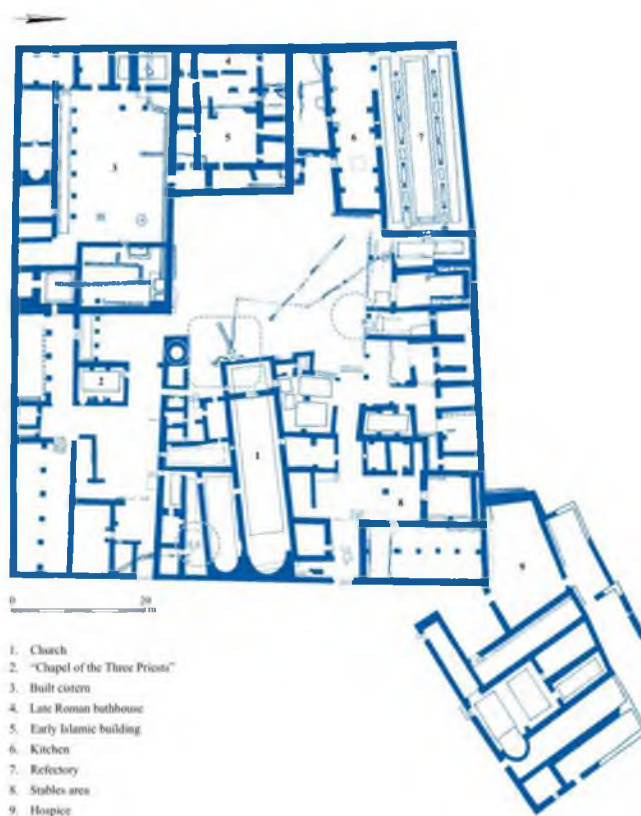

Рис. 10. Общий план монастыря св. Мартирия [Magen, 2015, p. 3]

Fig. 10. General plan of the monastery of Martyrius [Magen, 2015, p. 3]

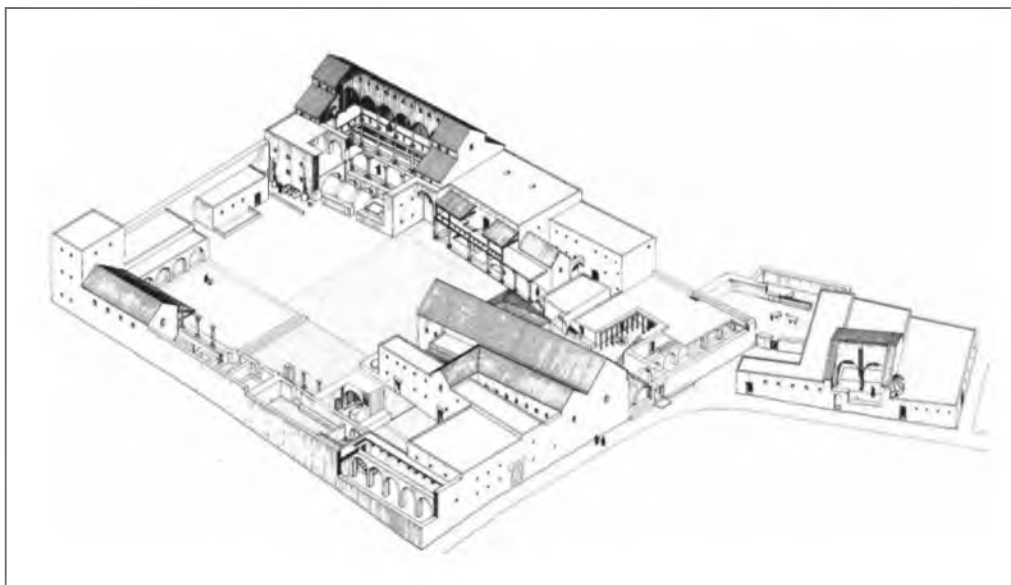

Рис. 11. Реконструкция монастыря св. Мартирия [Magen, 2015, p. 26]
Fig. 11. Reconstruction of the monastery of Martyrius [Magen, 2015, p. 26]

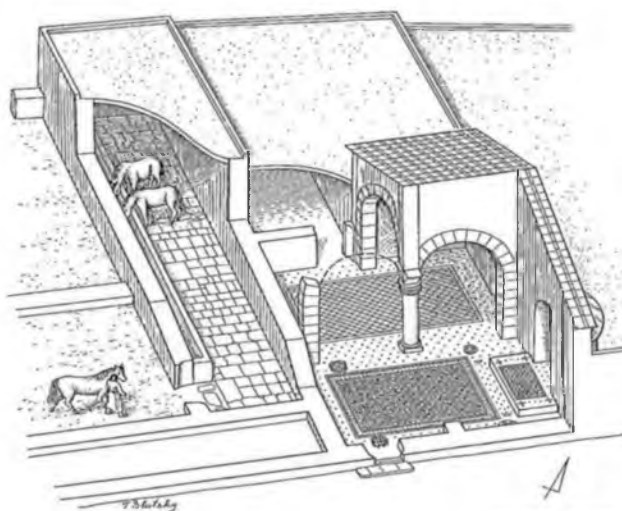

Рис. 12. Реконструкция постоялого двора при монастыре св. Мартирия [Юзефовский, 2015, с. 12]
Fig. 12. Reconstruction of the guesthouse of the monastery of Martyrius [Juzefovskij, 2015, p. 12]

Среди множества городов с монастырями выделяется, конечно, Иерусалим, но мы обратим внимание на исследование, проведенное в 2018 г. археологом и ученым Я. Чехановец, которое было организовано Управлением древностей Израиля: раскопки на краю исторического иерусалимского квартала Мусрара выявили византийский комплекс за городскими стенами, на сегодняшний день – самый крупный из раскрытых в районе расположения Святого города, включавший в себя десятки монастырских построек, с монашескими кельями, странноприимными домами, церквями и часовнями, банями, водопроводами, цистернами, кухнями и трапезными [Чехановец, Вах, 2019, с. 147]. Упоминаний о нем не сохранилось в литературных памятниках поздней античности, дальнейшие археологические раскопки должны помочь в уточнении целого ряда важных деталей о функционировании комплекса. Комплекс формировался с V по VII вв., его строительство, несомненно, было связано с ростом паломничества в Иерусалим, который не имел возможности разместить многочисленных пилигримов в городской черте,

функционирование комплекса, вероятно, поддерживалось в том числе на императорские пожертвования [там же, с. 148; Di Segni, Gellman, 2017, p. 35–36].

Письменные источники дополняют археологические выводы деталями: в частности, они сообщают нам сведения о приобретении настоятелями монастырей помещений и территорий около монастырей для их дальнейшего обустройства. Так, в житии Саввы Освященного упоминается, что патриарх Илия Иерусалимский (ок. 494–516 гг.) построил монастырь близ своего епископского дома, позднее несколько келий при монастыре купил авва Савва (ок. 439–532 гг.) и превратил их в помещения для паломников, кроме этого, он хотел купить для принятия странных монахов и другие кельи, находящиеся с северной стороны уже купленных келий⁴¹. В житии Кириака Отшельника (ок. 449–557 гг.) Кирилл Скифопольский, сообщая о распри между монахами монастырей Евфимия и Феокиста (живших на рубеже IV–V вв.; Евфимий – 377–473 гг.), которые имели общее управление, отметил, что новый игумен Павел завладел средствами и выдал часть из них на покупку странноприимного дома, «чтобы ему одному удерживать за собою общую странноприимницу»⁴².

Выделяется история, рассказанная Иеронимом Блаженным: по возвращении в Вифлеем Павла Римская (347–406 гг.) построила на дороге к Иерусалиму странноприимный дом и монастырь на собственные средства, где Иероним был настоятелем. Странноприимство в Вифлееме стоило дорого Павле и Иерониму – Павла оставила свою дочь в долгах, а Иероним был вынужден продать часть имущества своей семьи в Италии и Далмации [Whiting, 2014, p. 81]. Возможно, на ранних этапах развития паломничества оплату с паломников не брали, или это было личное решение Павлы. При несколько более поздних подвижниках – при Евфимии Великом, при авве Савве, при Кириаке Отшельнике долги монастырей в таком ключе не упоминаются, а для савваитских монашеских общин ксенодохейоны были значимым источником дохода [Patrich, 2001, p. 319]. Вряд ли эти монастыри функционировали бы себе в убыток, в таком случае даже небольшая плата за комнату была бы вполне уместной, а доходы от пожертвований могли бы покрыть остальную часть расходов, связанных с принятием паломников. К тому же Павла тратила большие суммы на благотворительную деятельность, на помощь нуждающимся. Свидетельства уже V–VI вв. говорят об оплате паломниками и гостями городов проживания близ монастырей, сопровождения их монахами за плату по святым местам, покупке реликвий для исцеления, воды в ампуллах [Heiska, 2003, p. 52]. В то же время были распространены и евлогии на продукцию монастырей – благословение на фрукты, воду, хлеб, елей, которые раздавались монахами в память о посещении святых мест без оплаты [там же, p. 51].

Другой выделяющийся пример – два монастыря Иерусалима, основанные Меланией Старшей на Масличной горе по ее прибытии в Иерусалим около 372 г., вовсе не имели странноприимных домов, но славились своим гостеприимством паломников [Whiting, 2012, p. 76]. Эти паломники, как правило, были из среды Мелании – ее друзья и знакомые, то есть люди знатного происхождения. Хотя совместное проживание противоречило правилам устройства и распорядка монастырей, возможно, она сознательно устроила проживание в монастыре таким образом с целью более близкого знакомства ее гостей с опытом и практикой монашества. Тем более если монастырь располагал святынями или был населен известными подвижниками, то все это демонстрировалось гостям, монашеский подвиг был примером для подражания, а сам монах – примером человека, с которым происходило чудо на земле (если ему являлись ангелы, снилась Дева Мария, был спасен от животных в пустыне и прочие примеры).

⁴¹ Cyrillus Scythopolitanus. Vita Sabae, 31.

⁴² Cyrillus Scythopolitanus. Vita Cyriaci, 6–7.

Рассмотренные примеры показывают, что, не отказываясь ни от чего из монашеского идеала как такового, Палестина смотрела на монашескую жизнь более гармонично, и потому характер палестинского монашества был наиболее разнообразным по формам и проявлениям [Рышковская, 2014, с. 171–172]. Выражением этой специфики, видимо, и стала лавра ⁴³, в которой сочетаются киновитные и отшельнические черты устройства обители. Лавру населяли отшельники, которые в течение недели жили в отдельных кельях и собирались в установленное время вместе в общей церкви для совместной молитвы и трапезы, и киновиты – монахи, которые встречались ежедневно [Hirschfeld, 1993, p. 339–371]. Благодаря этому в том числе, как нам представляется, и стало возможно водить паломников по монастырям, рассказывать о его истории, демонстрировать его святыни и подвиги отшельников в качестве наглядного примера ⁴⁴.

Путешествие в Палестину, посещение святынь и приобретение памятных вещей стало важным аспектом христианского мира: люди совершали путешествие, как правило, в переломные жизненные моменты, связанные с потребностью в переоценке ценностей, подведении предварительных жизненных итогов, смене духовных ориентиров, исцелении, внутреннем самоочищении – эпоха этому вполне соответствовала. Путешествие в Святую землю, в Святой город символически означает путь человеческой души, таким образом, земной Иерусалим предстает как отражение и прообраз Нового Иерусалима [Рышковская, 2014, с. 171–173] ⁴⁵. Городское пространство организовывалось особым образом. Например, раскопки в Еврейском квартале Старого города Иерусалима выявили расширение города на юг в византийский период и удлинение этих улиц: сначала стена имени императрицы Евдокии (ок. 410–460 гг.), которая прожила последние годы своей жизни в Иерусалиме, была перенесена на гору Сион, затем темпы городского строительства стремительно ускорились при императоре Юстиниане, в особенности с постройкой в 543 году церкви Неа – самой большой и монументальной базилики в Палестине на горе Сион, и удлинением *cardo maximus*, которая теперь стала вести к церкви Голгофы [Tsafir, 2000, p. 149–164]. Решение построить церковь на горе Сион подкреплялось несколькими причинами: постройка церкви на высокой точке обеспечивала политический и религиозный, идеологический контроль над обитателями города, которые придерживаются паноптического представления о контроле над теми, кто находится внизу, и теофанического представления о явлении Господа человеку именно на труднодоступной возвышенности. Кроме того, теперь церковь Неа как бы находилась в диалоге с двумя другими святынями, построенными ранее на других высоких точках города, – это церковь Гроба Господня на Голгофе и базилика Святого Сиона. Таким образом, мы видим включение в основное пространство города важных христианских объектов, взаимосвязь, «диалог» ключевых христианских мест между собой посредством

⁴³ От греч. *λαύρα*. Примечательно, что первоначально это слово переводилось как «городская улица, узкий проход». В таком значении его использовал, например, Гомер. Но в IV веке лаврами стали называть многолюдные поселения. По отношению к монастырям этот термин впервые употребили именно в Палестине. Одна из древнейших известных лавр – Фаранская – признается одной из самых старейших и была основана между 323 и 330 годом.

⁴⁴ У этого явления было две стороны: близкое приобщение паломников к христианству, возможность почувствовать святость, намоленность места и коммерциализация паломничества.

⁴⁵ Это также вело к охоте за святынями – настоящими и мнимыми, ведь сам факт их происхождения или изготовления в Святой земле играл первостепенную роль, так как они считались зримым и осязаемым свидетельством святости. В позднесантичной Палестине охота за святынями достигла такого уровня, что подобные вещи старались регулироваться законом, что все же нельзя признать удачной мерой. Все это действительно кажется далеким от идеала монастырской жизни, рисуемой нам в отдельных житиях и фрагментах житий. А между тем, в византийскую эпоху монашеский образ жизни воспринимался как идеальный, в глазах современников общество по праву делилось на тех, кто отрекся от мира, и тех, кто был его частью. Именно поэтому в последнее время активно изучается жизнь монастырей в сравнении, и часто исследователи отмечают, что сведения письменных источников, таких как жития Кирилла Скифопольского, «Луг духовный» Иоанна Мосха, записи паломников и другие, вступают в спор с археологическими находками, которые свидетельствуют о другой реальности, чем это представлено в житиях.

города и сакрализацию пространства. В этом контексте Мадабская карта занимает центральное место в качестве исторического источника, являясь наглядным подтверждением этого: во-первых, мозаика представляла христианскую концепцию истории спасения в виде карты, где Палестина в целом являлась сакральным пространством, города – точками, которые связывали ее святые места между собой; во-вторых, уже тогда верующие могли ходить босиком по мозаике и таким образом символически перемещаться по Святой Земле [Donner, 1992, S. 30].

Из исторических свидетельств и археологического материала складывается картина сложных отношений, связывавших монахов и паломников. С одной стороны, разделение монастыря и странноприимного дома на практике в целом давало монахам возможность предоставить отдых паломникам, не смешивая монастырский распорядок и уклад быта с паломническим. Вместе с тем в монастырях радушно встречали и обслуживали паломников. Монахи, несшие послушание в монастырской гостинице, обеспечивали постояльцев постелями и едой, а в больших монастырях нередко предоставлялась помощь врача. Сам Кириак Отшельник «в различные годы проходил четыре послушания: пекаря, больничного, странноприимника и иконома»⁴⁶.

И все же, несмотря на то, что паломничество оставило заметные материальные следы в виде предметов и зданий, по-прежнему трудно оценить его относительную долю в качестве источника дохода для монастырей [Heiska, 2003, p. 94–95]. Нам известно, что монахи также полагались на поддержку жителей региона, благотворительность, завещания щедрых гостей и, кроме этого, на собственные силы, чего, например, желал авва Савва⁴⁷. Разберем их каждую. Экспериментируя и трудолюбиво обрабатывая землю, монахам удалось заставить пустынные земли расцвести и давать плоды. Несомненно, также было много неудач, но религиозные писания, в частности, не раскрывают и не подчеркивают такие случаи. Согласно Кириллу Скифопольскому, монастырь Феоктиста владел полями вместе с лаврой Евфимия и их монахи обрабатывали земли вместе [там же, p. 37]. Но выращивание зерна, винограда и оливок могло удовлетворить только собственные нужды монахов. Кроме этого, своими руками монахи могли плести корзинки и продавать их, но эта деятельность тоже не приносила большого дохода, а составляла лишь малую его часть. Исследователями отмечается, что плетение – занятие, вполне подходящее для монахов, поскольку оно непростое и вырабатывает усердие, а во время этого процесса монахи могли погружаться в молитвы.

Сведения о пожертвованиях, завещаниях, дарениях в пользу монастырей содержит законодательство, которое регулировало эти операции. Оно формировалось постепенно, и мы знаем, что с 321 года законодательством было дано разрешение церкви на наследование собственности и на получение ее в дар⁴⁸. Детали этих операций оформились ко времени правления Юстиниана (527–565 гг.). В случае если наследники имущества пытались укрыть от церкви то, что ей полагалось по завещанию после смерти владельца, то их могли наказать⁴⁹. При этом ушедшие в монашество жители городов должны были так или иначе позаботиться о своих наследниках и супруге и обеспечить их проживание, что означает, что жертвовать все имущество в монастырь было неприемлемо: «...Если же у него есть дети, и он уже подарил им некоторые вещи... и это составило четвертую часть его имущества... то дети больше не могут претендовать ни на какую часть оставшегося имущества. Если же он не подарил им ничего или

⁴⁶ Cyrillus Scythopolitanus. Vita Cyriaci, 6–7. Для сравнения: монастыри сельской местности не имели (не организовывали) странноприимных домов (за редким исключением) [Aviam, 2017, p. 121–124]. Дискуссии же о таких поселениях, как Нессана, должны быть организованы на новом уровне, поскольку таковые – та же Нессана – частью исследователей считается большой деревней, при этом это поселение, несомненно, обладает признаками города.

⁴⁷ Cyrillus Scythopolitanus. Vita Sabae, 58.

⁴⁸ Codex Theodosianus, 16.2.20.

⁴⁹ Codex Iustinianus, 1.3.45.

менее четверти, то после объявления об уходе в монахи детям должна все же отойти четвертая часть...» [Максимович, 2007, с. 43–44]. Каждый жертвовал в зависимости от своего достатка. Известны случаи пожертвований императорской семьи: согласно подсчетам, из императорской семьи только одна императрица Евдокия потратила около 1 500 000 золотых монет во время своего пребывания в Иерусалиме [Heiska, 2003, p. 37]! Пожертвования продолжали поступать в Палестину вплоть до арабского завоевания [там же, p. 54–55].

Люди, захотевшие стать монахами, могли пожертвовать свои земли в пользу монастыря при вступлении в него, но вернуть их обратно и сделать землями для использования в миру не могли: «Если же кто-либо, посвятив себя и приняв образ, пожелает впоследствии оставить монастырь и жить как частное лицо, пусть сам подумает, какое оправдание в этом он даст Богу – а имущество, которым он владел при вступлении в монастырь, да пребудет в собственности монастыря, и вообще ничего из этого он не сможет получить обратно (ἐξῆλθει)» [Максимович, 2007, с. 43–44]. Споры возникали при переходе монаха из одного монастыря в другой и земель вместе с ним как с дарителем. Указ императора Юстиниана четко дает нам понять, что если монах «...оставив монастырь, в котором проходил аскезу, перейдет в другой монастырь, то и в этом случае его имущество должно остаться в собственности прежнего монастыря, в котором он его оставил после отречения...». Кроме этого, в 529 году император Юстиниан строго запретил отчуждение всего церковного и монастырского имущества (где определил недвижимое церковное имущество как здания, поля, сады, деревенских рабов и зерно, предоставляемое государством), объявив продажу и обмен незаконными, а сделки недействительными [Heiska, 2003, p. 63]. Исключением стали ситуации, когда у религиозных учреждений не было другого способа выплатить налоги или долги частным кредиторам [там же]. Если земля при монастыре не обрабатывалась, то она могла быть сдана в аренду, но изначально церкви не разрешалось сдавать свою собственность более чем на двадцать лет подряд, а в более позднем эдикте Юстиниан подтвердил право передавать собственность во временную или бессрочную аренду [там же]. Несмотря на обилие законов, масштабы участия монастырей в продаже и аренде недвижимости в Палестине неизвестны [там же, p. 64], но мы можем согласиться с теми исследователями, которые заключают, что в Палестине очень активно шел процесс становления церкви в качестве земельного собственника⁵⁰.

Налоговое бремя для монастырей IV–VII столетий было разным: в определенных случаях налоги могли быть ослаблены (и даже в случае послаблений монахам предписывалось выполнять работу на пользу обществу, например, ремонтировать и строить мосты и дороги). Известно, например, что в 511 г. авва Савва при личной встрече попросил императора Анастасия (491–518 гг.) отменить «...подать, которая наложена на церковь святого Воскресения и на жителей Святого Града: ибо они бедны и несчастны»⁵¹. Автор жития этого святого Кирилл Скифопольский приводит скудное объяснение этого фрагмента: «Некогда сборщики общественных податей в Палестине не могли собрать с бедных и несчастных лиц ста литр золота, принуждены были уплату оных возложить на иерусалимских жителей, соразмерно достатку каждого. Когда сто литр золота были разлагаемы, то и церковь св. Воскресения и прочие святые места с их жителями были обложены оною. Сию подать просил уничтожить великий старец» (там же). Из контекста не очень понятно, о каких податях и размерах податей конкретно идет речь, но ясно, что это касалось и монастырей – «и прочие святые места с их жителями» (там же). Под церковью св. Воскресения же имеется в виду храм Воскресения, она же церковь Гроба Господня – одна из самых почитаемых среди христиан и посещаемых паломниками

⁵⁰ Соотношение же между частной, имперской и городской собственностью на земле менялось на протяжении всего периода, поскольку собственность, как правило, переходила в руки все меньшего числа людей.

⁵¹ Cyrillus Scythopolitanus. Vita Sabae, 54.

святынь; трудно поверить в то, что она была «бедна и несчастна» в эпоху формирования образа Палестины как Святой земли и Иерусалима как Святого города для христиан⁵². В 530 году авва Савва посетил Константинополь и лично попросил императора Юстиниана об освобождении от налогов Первой и Второй Палестины из-за разрушений, вызванных восстанием самаритян и иудеев под руководством Юлиана бен Цабара годом ранее, которые случались довольно часто⁵³. Император согласился с этой просьбой и еще выделил государственные средства на восстановление разрушенных священных зданий (там же, 73). Важно, что освобождение от налогового бремени было сделано не по причине бедности Палестины, экономического упадка или бедности Церкви, а потому, что самаритяне устроили погромы, в ходе которых христианские храмы расхищались, жглись селения, а дороги были разрушены, что могло незамедлительно сказаться на паломничестве и торговле. После Юстиниана законодательство не содержит новых подробностей, касающихся налогообложения монастырей, и, таким образом, можно утверждать, что оно действовало вплоть до исламского завоевания региона [Heiska, 2003, p. 76–77].

Заключение

Города Палестины эпохи Поздней античности стали привлекательными центрами торговли и паломничества. Они были соединены хорошо спланированной дорожной сетью, по которой паломники, купцы и торговцы для безопасности перемещались совместно. У монастырей было несколько источников доходов. Чтобы обеспечить себя пропитанием, монахи обрабатывали землю, а также плели корзины на продажу, но вырученные деньги могли пойти на покупку тех товаров, которые монахи не могли изготовить сами. Пожертвования, дарения и завешания от людей разного достатка, вероятно, были наибольшим источником дохода – на эти средства содержались монастыри (ремонтировались, расширялись и пр.), платили налоги, они могли быть «финансовой подушкой» в трудные годы, строились странноприимные дома, покупались комнаты, строились и украшались церкви. При трудной финансовой ситуации земельные владения монастыря могли быть сданы в аренду. Мы видим, что в Позднюю античность интенсивно протекал процесс становления церкви в качестве землевладельца. Законодательство отражает постепенность этого процесса. Труднее оценить размах средств, вырученных от продажи ампулл, оказания услуг сопровождения монахом паломников по святым местам и от оплаты за место в странноприимном доме. Вероятно, даже небольшая плата при монастырях V–VI вв. была вполне уместной и приемлемой. В некоторых случаях церкви и монастыри или даже часть региона могли быть освобождены от уплаты налогов, а ремонт дорог и улиц вместо уплаты налогов можно считать выполнением задачи перед обществом, перед городом. Конечно, говоря о коммерциализации паломничества, не всегда легко провести границу между разумной и естественной платой, жертвованием за услугу и жадной богатства (как, видимо, было в случае с упомянутым настоятелем одновременно двух монастырей Павлом). Но богатство и процветание монастырей имели значимые социальные функции в эпоху трансформаций и изменений: они были источником финансирования благотворительной деятельности, средства в том числе шли на заботу о должном функционировании больниц, домов для стариков, сирот и бедняков, а сама роль епископов и настоятелей монастырей неукоснительно менялась в позднеантичное время, и служители церкви брали на себя роль лидера общества. Все это, наряду с другими факторами, играло существенную роль в экономическом развитии Палестины, позволяло

⁵² Далее в житии сообщается, что император отменил упомянутую подать, а авве Савве выдал «большое количество золота», которое тот послал в свой родной город Муталаска, чтобы построить там церковь (Cyrillus Scythopolitanus. Vita Sabae, 55). Почему в таком случае он не направил эти средства церкви св. Воскресения в Иерусалиме?

⁵³ Cyrillus Scythopolitanus. Vita Sabae, 70.

городам и монастырям Палестины процветать в эпоху Поздней античности и превратиться региону в развитый центр христианского мира, в который люди шли в поисках внутреннего самоочищения и физического исцеления, в поисках духовных ориентиров в переломные жизненные моменты. Все это было вполне созвучно эпохе.

Список литературы

- Вашева И.Ю. 2009. Концепция Поздней Античности в современной исторической науке. *Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского*, 6(1): 220–231.
- Гасратян С.М. 2019. Взаимоотношения Израиля и арабо-суннитских стран в контексте международных и региональных проблем: столкновение или диалог цивилизаций? Том 1. Израиль и арабо-суннитские страны Ближнего Востока (война или мир?). Москва, Издатель Воробьев А.В., 2019. 504.
- Максимович К.А. 2007. Законодательство императора Юстиниана I о монашестве (часть 1): новеллы V и LXXIX. *Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия*, 4(20): 38–51.
- Рышковская А.Ю. 2014. Традиция женского аскетизма и монашества на ранневизантийском Востоке: Египет и Палестина. Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 283.
- Чехановец Я., Вах К.А. 2019. Византийский монастырь и консульский дом в Иерусалиме (по материалам раскопок 2018 г.). *Российская археология*, 3: 147–157.
- Юзефовский Б. 2015. Постоялые дворы (xenodochia) в монастырях Святой земли в византийский период. *Иерусалимский Православный Семинар*, 6: 9–16.
- Aviam M. 2017. Monasteries and Villages: Rural Economy and Religious Interdependency in Late Antique Palestine. *Vigiliae Christianae*. 71(2): P. 117–133.
- Aviam M., Ashkenazi J. 2018. Economic Growth and Religious Materiality in Christian Upper Galilee in Late Antiquity. Available at: https://www.academia.edu/41294442/Economic_growth_and_religious_materiality_in_Christian_Upper_Galilee_in_Late_Antiquity (accessed 8 September 2024).
- Blanke L., Cromwell J. 2023. The Monastic Economies in Late Antique Egypt and Palestine: Past, Present, and Future. In: *Monastic Economies in Late Antique Egypt and Palestine*. Cambridge University Press: 1–38.
- Brown. P. 1971. *The World of Late Antiquity: From Marcus Aurelius to Muhammad*. London, 216.
- Cameron A., Ward-Perkins B., Whitby M. 2008. *The Cambridge Ancient History: Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600*. Cambridge University Press, 1101.
- Di Segni L., Gellman D. 2017. A Justinian Inscription North of Byzantine Jerusalem, and its Importance for the Dating of the Nea Church Inscription. *New Studies in the Archaeology of Jerusalem and its Region Collected Papers*. XI: 27–37.
- Donner H. 1992. The Mosaic Map of Madaba: An Introductory Guide. *Pharos*, 102.
- Goldfus H. 2003. Urban Monasticism and Monasteries of Early Byzantine Palestine – Preliminary Observations. *Aram Periodical*, 15(1): 71–79.
- Heiska N. The Economy and Livelihoods of The Early Christian Monasteries in Palestine. Available at: <https://core.ac.uk/reader/14915150> (accessed 17 August 2024).
- Hirschfeld Y. 1993. Euthymius and his Monastery in the Judean Desert. *Liber Annuus*. 43: 339–371.
- Hirschfeld Y. 2004. The Monasteries of Gaza: An Archaeological Review. In: *Christian Gaza in Late Antiquity. Jerusalem Studies in Religion and Culture*, 3: 61–88.
- Landes-Nagar A. 2020. Kh. Harsis (Sha'ar HaGai) – An Iron Age 2 Settlement and a Byzantine Road Station: Bathhouse, Structure, and Installations. Available at: https://www.academia.edu/43901268/Landes_Nagar_A_2020_Kh_Harsis_Shaar_HaGai_An_Iron_Age_2_Settlement_and_a_Byzantine_Road_Station_Bathhouse_Structure_and_Installations?nav_from=9142ae06-fe3c-4da2-aca2-9174b6d71dc3 (accessed 13 September 2024).
- Patrich J. 1995. Sabas, Leader of Palestinian Monasticism: A Comparative Study in Eastern Monasticism, Forth to Seventh Centuries. *Dumbarton Oaks*, 419.
- Patrich J. 2001. *The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present*. Peeters Publishers, 463.
- Roll I. 1999. The Roads in Roman-Byzantine Palestine and Arabia. In: *The Madaba Map Centenary 1897–1997*, Jerusalem: 109–113.

- Selinger Y. 1998. The Identification of the Jerusalem-Lyddā (Diospolis) Roman Road on the Madaba Map and Kh. el Latatin. *Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society*, 16: 75–84.
- Stemberger G. 2000. *Jews and Christians in the Holy Land: Palestine in the Fourth Century*. A&C Black, 350.
- The Pilgrimage of The Holy Paula. 1887. *Palestine Pilgrims' Text Society*. London, 297.
- Tsafrir Y. 2000. Procopius and the Nea Church in Jerusalem. *Antiquité Tardive*, 8: 149–164.
- Whiting M. 2012. Asceticism and Hospitality as Patronage in the Late Antique Holy Land: The Examples of Paula and Melania the Elder. *Female Founders in Byzantium and Beyond*, LXI: 74–84.

References

- Vashcheva I.Ju. 2009. Konceptiya Pozdnej Antichnosti v sovremennoj istoricheskoy nauke [Concept of Late Antiquity in the Modern Historical Science]. *Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo*, 6(1): 220–231.
- Gasratjan S.M. 2019. Vzaimootnosheniya Izrailja i arabo-sunnitskih stran v kontekste mezhdunarodnyh i regional'nyh problem: stolknovenie ili dialog civilizacij? Tom 1. Izrail' i arabo-sunnitskie strany Blizhnego Vostoka (vojna ili mir?) [The Relationship between Israel and the Arab-Sunni Countries in the Context of International and Regional Problems: A Clash or a Dialogue of Civilizations? Vol. 1. Israel and the Arab-Sunni Countries of the Middle East (War or Peace?)]. Moscow, Izdatel' Vorob'ev A.V., 2019. 504.
- Maksimovich K.A. 2007. Zakonodatel'stvo imperatora Justiniana I o monashestve (chast' 1): novelly V i LXXIX [Legislation of Emperor Justinian I on Monasticism (Part 1): Novellas V and LXXIX]. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*, 4(20): 38–51.
- Ryshkovskaja A.Ju. 2014. Tradicija zhenskogo asketizma i monashestva na rannevizantijskom Vostoke: Egipet i Palestina [Tradition of Female Asceticism and Monasticism in the Early Byzantine East: Egypt and Palestine]. Dis. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 283.
- Chehanovec Ja., Vah K.A. 2019. Vizantijskij monastyr' i konsul'skij dom v Ierusalime (po materialam raskopok 2018 g.) [Byzantine Monastery and Consular House in Jerusalem (Based on the Excavations of 2018)]. *Rossijskaja arheologija*, 3: 147–157.
- Juzefovskij B. 2015. Postojalnye dvory (xenodochia) v monastyrjakh Svjatoj zemli v vizantijskij period [Guesthouses (xenodochia) in the Monasteries of the Holy Land in the Byzantine Period]. *Ierusalimskij Pravoslavnyj Seminar*, 6: 9–16.
- Aviam M. 2017. Monasteries and Villages: Rural Economy and Religious Interdependency in Late Antique Palestine. *Vigiliae Christianae*. 71(2): P. 117–133.
- Aviam M., Ashkenazi J. 2018. Economic Growth and Religious Materiality in Christian Upper Galilee in Late Antiquity. Available at: https://www.academia.edu/41294442/Economic_growth_and_religious_materiality_in_Christian_Upper_Galilee_in_Late_Antiquity (accessed 8 September 2024).
- Blanke L., Cromwell J. 2023. The Monastic Economies in Late Antique Egypt and Palestine: Past, Present, and Future. In: *Monastic Economies in Late Antique Egypt and Palestine*. Cambridge University Press: 1–38.
- Brown, P. 1971. *The World of Late Antiquity: From Marcus Aurelius to Muhammad*. London, 216.
- Cameron A., Ward-Perkins B., Whitby M. 2008. *The Cambridge Ancient History: Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600*. Cambridge University Press, 1101.
- Di Segni L., Gellman D. 2017. A Justinian Inscription North of Byzantine Jerusalem, and its Importance for the Dating of the Nea Church Inscription. *New Studies in the Archaeology of Jerusalem and its Region Collected Papers*. XI: 27–37.
- Donner H. 1992. The Mosaic Map of Madaba: An Introductory Guide. *Pharos*, 102.
- Goldfus H. 2003. Urban Monasticism and Monasteries of Early Byzantine Palestine – Preliminary Observations. *Aram Periodical*, 15(1): 71–79.
- Heiska N. The Economy and Livelihoods of The Early Christian Monasteries in Palestine. Available at: <https://core.ac.uk/reader/14915150> (accessed 17 August 2024).
- Hirschfeld Y. 1993. Euthymius and his Monastery in the Judean Desert. *Liber Annuus*. 43: 339–371.
- Hirschfeld Y. 2004. The Monasteries of Gaza: An Archaeological Review. In: *Christian Gaza in Late Antiquity. Jerusalem Studies in Religion and Culture*, 3: 61–88.
- Landes-Nagar A. 2020. Kh. Harsis (Sha'ar HaGai) – An Iron Age 2 Settlement and a Byzantine Road Station: Bathhouse, Structure, and Installations. Available at: https://www.academia.edu/43901268/Landes_Nagar_A_2020_Kh_Harsis_Shaar_HaGai_An_Iron_

- Age_2_Settlement_and_a_Byzantine_Road_Station_Bathhouse_Structure_and_Installations?nav_from=9142ae06-fe3c-4da2-aca2-9174b6d71dc3 (accessed 13 September 2024).
- Patrich J. 1995. Sabas, Leader of Palestinian Monasticism: A Comparative Study in Eastern Monasticism, Fourth to Seventh Centuries. Dumbarton Oaks, 419.
- Patrich J. 2001. The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present. Peeters Publishers, 463.
- Roll I. 1999. The Roads in Roman-Byzantine Palestine and Arabia. In: The Madaba Map Centenary 1897–1997, Jerusalem: 109–113.
- Selinger Y. 1998. The Identification of the Jerusalem-Lydda (Diospolis) Roman Road on the Madaba Map and Kh. el Latatin. Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society, 16: 75–84.
- Stemberger G. 2000. Jews and Christians in the Holy Land: Palestine in the Fourth Century. A&C Black, 350.
- The Pilgrimage of The Holy Paula. 1887. Palestine Pilgrims' Text Society. London, 297.
- Tsafrir Y. 2000. Procopius and the Nea Church in Jerusalem. Antiquité Tardive, 8: 149–164.
- Whiting M. 2012. Asceticism and Hospitality as Patronage in the Late Antique Holy Land: The Examples of Paula and Melania the Elder. Female Founders in Byzantium and Beyond, LXI: 74–84.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.10.2024

Received 28.10.2024

Поступила после рецензирования 20.01.2025

Revised 20.01.2025

Принята к публикации 22.01.2025

Accepted 22.01.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сухова Жанна Михайловна, аспирант кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Zhanna M. Sukhova, Postgraduate Student, Department of Philosophy, History and Theory of Social Communication, Nizhny Novgorod N.A. Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

[ORCID: 0009-0002-6807-6549](https://orcid.org/0009-0002-6807-6549)